

Михаил Ланской

Эфесский контракт

18+

Михаил Ланской

Эфесский контракт

«Автор»

2026

Ланской М.

Эфесский контракт / М. Ланской — «Автор», 2026

Эфес, 356 год до н. э. Великое чудо света - храм Артемиды - лежит в руинах. Поджигателем оказался не персидский шпион и не ревнивый фанатик, а Герострат - разорившийся торговец папирусом, чья жизнь была чередой неудач. Его поступок не приступ безумия, а холодный расчет: он решил купить бессмертие по цене кувшина ворованного масла. Вместо того чтобы бежать, Герострат остается в камере. Он превращает следствие в самый дерзкий торг в истории, играя на слабостях сильных мира сего. Жена сатрапа Клементина видит в нем романтического героя, сатрап Тиссаферн - инструмент шантажа, а честный архонт Клеон - угрозу самому понятию закона. Пока город сходит с ума, требуя зрелищ, а каменщики молча возводят новый храм, Герострат доказывает страшную теорему: разрушать легче, чем созидать, а слава палача всегда бледнеет перед славой убийцы. Это историческая трагикомедия о рождении черного пиара, о тщеславии и о том, как один ничтожный человек заставил целую цивилизацию плясать на своих похоронах.

© Ланской М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ночь, когда плавился мрамор	5
Глава 2. Смрад тюрьмы и звон золота	8
Глава 3. Анатомия тщеславия	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Михаил Ланской

Эфесский контракт

Глава 1. Ночь, когда плавился мрамор

Эфес не спал. Эфес задыхался.

Июльская ночь 356 года до н. э. принесла с моря не прохладу, а лишь густую, соленую вонь гниющих водорослей и рыбьей требухи. Воздух стал плотным, как расплавленная смола, и оседал в легких тяжелым свинцом. Даже цикады, обезумевшие от трехнедельного зноя, сжались к полуночи и затихли, оставив город наедине с его собственным гулом - тяжелым дыханием тысяч пьяных матросов, храпом рабов в эргастулах и далеким, монотонным плеском прибоя о мраморные ступени порта.

Герострат ненавидел этот город. Ненавидел липкий пот, стекающий по пояснице под грубым льняным хитоном. Ненавидел запах собственного отчаяния, который, казалось, пропитался в доски его закрытой на замок лавки. Папирус. Кто в этом году покупал папирус? Торговцы зерном перешли на восковые таблички, потому что воск дешевле. Поэты, которым он раньше ссужал свитки в долг, либо бежали от долгов в Афины, либо сгнили в каменоломнях сатрапа. Его дело, его имя, его жизнь превратились в пепел задолго до того, как он чиркнул кремнем.

Он шел по пустым улицам, ведущим к возвышенности, где в сиянии луны плавился и тек, подобно воску, колосс Храма Артемиды. Днем это здание подавляло своим величием, заставляя шею ныть от запрокинутой головы. Но сейчас, ночью, оно казалось живым чудовищем. Сто двадцать семь колонн, каждая высотой с мачту триремы, уходили в чернильное небо. Мрамор не отражал лунный свет - он всасывал его, светился изнутри холодным, нездоровым огнем.

Герострат остановился в тени старой оливы. Его била дрожь, но не от страха. От предвкушения.

Он не был безумцем, каким его назовут завтра выжившие жрецы. Безумец - это хаос. А Герострат за последние три месяца выстроил идеальный, холодный план. Он знал, что храм охраняется персидскими наемниками сатрапа Тиссаферна, но те ленивы и пьяны. Он знал, что под восточной галереей, где складировали жертвенные масла, стражи нет вовсе - архитектор, проектируя дренаж, оставил там слепую нишу, о которой забыли еще при царе Крезе.

Герострат сунул руку за пазуху. Нащупал кожаный мешочек. Внутри тяжело булькнуло. Не просто масло. Три дня назад он спустил последние деньги на ворованную селитру у старого вавилонянина, торгующего красками. Смесь оливкового масла первого отжима и селитры горит иначе. Она не просто пожирает дерево - она вгрызается в него, плюется искрами, которые невозможно затушить вином или уксусом.

Он вышел из тени. Песок скрипел под сандалиями. Каждый шаг отдавался в ушах ударом гонга. Он шел прямо к воротам. - Стой! - ленивый окрик с галереи. Герострат поднял руки, показывая пустые ладони. Он не крался. Вор двигается тихо. Торговец идет уверенно. - Я несудары! - крикнул он хрипло. - Богиня требует крови!

Стражник, огромный волосатый скиф, нехотя перегнулся через перила. Увидел в руках Герострата глиняный кувшин. - Какая кровь в кувшине, торговец? Иди проспись, пока я не спустился и не отрезал тебе уши за святотатство. - Я иду к жрецу Диогену, - спокойно ответил Герострат. - У меня там расписка. Он должен мне за три амфоры критского вина.

Это была ложь, но ложь, обросшая плотью правды. У Диогена действительно был долг перед многими, и скиф, помедлив, сплюнул и отвернулся. Герострат прошел под аркой ворот.

Внутри пахло иначе. Здесь не было вони порта. Здесь царила приторная, удушливая сладость мирры, ладана и застарелой крови. Сотни тысяч паломников прошли здесь за десятилетия, целуя камни. Их вера осела на мраморе невидимым слоем. Герострат провел ладонью по ближайшей колонне. Мрамор был ледяным.

Он нырнул в восточную галерею. Темнота здесь была абсолютной, густой, как вар. Герострат зажег маленький трут. Огонек затрепетал, выхватывая из мрака исполинские бедра кариадид. Он шел к нише. Его сердце стучало ровно. Он не молился. Он не просил прощения. Он чувствовал только, как с каждым шагом спадает с него шелуха неудач. Он больше не был банкротом Геростратом. Он был демиургом.

Ниша оказалась тесной. Герострат опустился на колени. Он вытащил из мешка два пропитанных маслом войлочных пука. Обмотал ими основания двух соседних колонн. Затем достал кувшин.

Жидкость пахла горьким миндалем.

Он начал лить. Медленно, расчетливо, пропитывая сухую кедровую резьбу фриза. Масло стекало по мифологическим сценам, заливая глаза высеченным из камня амазонкам.

Когда кувшин опустел, Герострат отбросил его. Руки его больше не дрожали. Он достал кремь и кресало.

Искры сыпались на войлок. Секунда. Вторая.

Сначала пошел дым. Белый, едкий, пахнувший гарью и сладостью. Затем - тихий, почти ласковый треск. И вдруг пламя взревело.

Оно не поднялось вверх. Оно ударило в стороны, по сухому дереву перекрытий, мгновенно охватив галерею. Огонь не был желтым или красным. Он был ослепительно белым в центре и иссиня-черным по краям. Мрамор вокруг пламени начал нагреваться. Герострат прижался спиной к колонне, чувствуя, как холод вечности стремительно уходит из камня, сменяясь обжигающим жаром.

Запахло палеными волосами. Это горели его брови и ресницы, но он не моргал. Он смотрел, как огонь пожирает кедровые балки потолка. Слышал, как с грохотом, похожим на падение осадной башни, рушится деревянная кровля центрального зала.

Сверху, с галереи, донеслись крики скифов. Загудел набатный колокол.

Герострат закрыл глаза. Он ждал боли. Ждал, что рухнувшая балка переломит ему позвоночник, или персидский дротик пробьет грудь. Но боли не было. Был только звук. Оглушительный, первобытный рев пламени, пожирающего одно из Семи чудес света.

Он открыл глаза.

Пламя освещало его лицо. В этом свете он впервые за тридцать лет жизни увидел себя красивым. Не смазливим, как его называли завистники, а по-настоящему прекрасным - как титан, низвергнутый с Олимпа. Он бросил вызов богам, и боги оказались бессильны. Их лучший дом горел, а они молчали.

- Запомните, - прошептал он в ревущее пламя, и копотье оседала на его зубах. - Запомните мое имя.

Где-то вдалеке, за стеной огня и треска, пронзительно и страшно закричала женщина - жрица Эрита, проснувшаяся от жара, плавящего стекло в ее кельях.

Герострат улыбнулся. Он развернулся и шагнул в черный, еще не тронутый огнем коридор, ведущий к выходу. Он шел медленно, давая огню время разойтись. Он не бежал. Человек, который только что купил себе вечность за кувшин ворованного масла, не суетится.

Когда он вышел из горящих ворот, на него пахнуло ночным морским ветром. Прохлада показала ему ледяным прикосновением смерти.

За его спиной рушился мир. Впереди лежал Эфес - грязный, вонючий, полный пьяниц, ростовщиков и трусов. Город, который завтра проснется знаменитым. А он, Герострат, станет его единственной историей.

Он запахнул хитон, надвинул край грубой ткани на лоб, чтобы скрыть опаленные волосы, и растворился в кривых переулках, ведущих к портовой харчевне. Ночь только начиналась.

Глава 2. Смрад тюрьмы и звон золота

Тюрьма Эфеса пахла страхом. Это был не тот острый, животный ужас, который исходит от человека перед казнью, а густая, застарелая вонь многолетней безнадеги, вьевшаяся в сам известняк стен. К ней примешивался кислый дух немых тел, запах чеснока, которым тюремщик Филиск пытался заглушить чесночную же отрыжку, и сладковатый, тошнотворный аромат тюремной баланды из бобов.

Филиск сидел на колченогом табурете перед камерой Герострата. Его сандалии, подшитые для крепости вторым слоем воловьей кожи, оставляли на пыльном полу влажные следы - от жары и хронической лихорадки ноги тюремщика отекали и сочились сукровицей. В руках он сжимал тяжелую дубовую колотушку. По правилам он должен был бить ею в медный щит каждый час, возвещая бодрствование стражи, но Филиск просто водил узловатым пальцем по краю щита, слушая, как с той стороны двери воет и смеется поджигатель.

- Заткнись, ублюдок, - просипел Филиск, не повышая голоса. Горло саднило от вчерашней простуды. - Скоро рассвет. Клеон выпьет твою кровь, а вороны выклюют глаза. Будет тихо.

Смех за дверью оборвался. Наступила звенящая, тяжелая тишина, какая бывает только в раскаленном полуденном воздухе или в каменном мешке. - Тюремщик, - голос Герострата звучал не из-за двери, а словно бы от самих стен. В нем не было ни капли страха. - У тебя ведь три дочери? Я помню, ты хвастался ими перед Дионисием в харчевне. Старшей, кажется, двенадцать? Самое время для первого жениха. А приданое? У тебя есть золото на приданое, Филиск?

Филиск вздрогнул. Он вскочил, перехватив колотушку двумя руками. Его лицо, покрытое сеткой лопнувших сосудов, налилось дурной кровью. - Я вышибу тебе зубы, торгаш! - рявкнул он и ударил колотушкой по дубовой двери. Гул пошел по всему коридору. - Я служу закону! Я служу архонту!

Замок шелкнул. Дверь, никогда не смазываемая, открылась со скрипом, от которого сводило зубы. На пороге стоял Герострат.

Вчера вечером его притащили сюда полумертвого - персидские наемники сатрапа славились умением бить. Левая скула торговца превратилась в сплошной фиолетовый кровоподтек, туника висела лохмотьями, обнажая исполозованную плетью спину. Но глаза... Глаза Герострата были абсолютно ясными. В них плясали отсветы факела, и в них не было ничего человеческого - только спокойный, холодный расчет зверя, попавшего в капкан и понимающего, что капкан сделан из гнилого дерева.

- Ты служишь своим дочерям, Филиск, - мягко сказал Герострат, делая шаг вперед. Тюремщик инстинктивно отступил, хотя в руках у торговца не было оружия. - А закон... закон сегодня спит. Смотри.

Герострат медленно, театральным жестом протянул руку. На его ладони тускло блеснула серебряная драхма. - Это за то, что ты закроешь глаза на пять минут. Он достал вторую. - А это за то, что ты забудешь дорогу к моей камере на один час.

Филиск смотрел на монеты. Его кадык дернулся. За эти деньги его семья могла есть свежее мясо целую неделю. Но это была ловушка. Если Клеон узнает... - Если архонт... - начал было Филиск, но голос его сорвался.

- Архонт хочет сделать из меня пример, - перебил Герострат. - Он хочет казнить меня на площади, при стечении народа. Чтобы все видели, как силен закон. Но закон, Филиск, не имеет вкуса. А вот страх - имеет. Твои дочери боятся нищеты. Ты боишься, что останешься без работы, если тебя выгонят за взятки. Я боюсь только одного - что мое имя забудут. Мы все боимся разного, но платим за свой страх одинаково. Золотом.

Герострат сжал монеты в кулаке. - У тебя есть тесть, Филиск. Ростовщик Крисипп. Старый паук, который высосал из этого города все соки. Все знают, что он держит ключи от половины складов в порту. И все знают, что он ненавидит меня. Мы с ним старые друзья по расчетам.

Филиск молчал. Пот ручьями тек по его вискам, смешиваясь с грязью. - Сходи к нему, - голос Герострата стал вкрадчивым, почти ласковым. - Скажи, что Герострат, который должен ему сто пятьдесят драхм, сидит у меня. Скажи, что он готов отдать долг прямо сейчас. Крисипп старый скупец, он не поверит в благотворительность. Он придет. А ты... ты просто получишь свою долю за то, что открыл мне дверь. Это не взятка, Филиск. Это честный найм. Я нанимаю тебя посыльным.

Тюремщик облизнул пересохшие губы. Логика торговца была безупречной, и от этого становилось еще страшнее. Если он откажется, Герострат найдет другого. Если согласится - Клеон снимет с него кожу. Но дочери... двенадцать лет... женихи... - Пять минут, - хрипло выдавил Филиск. - Только пять минут. Если я не вернусь, твои потроха наматывают на кол. - Я никуда не тороплюсь, - улыбнулся разбитыми губами Герострат и скрылся в темноте камеры.

Ночной Эфес встретил Филиска бьющим в лицо жаром. Он запахнул плащ, хотя ночь не приносила пролады, и нырнул в лабиринт переулков. Дорога к дому Крисиппа заняла двадцать минут, показавшихся ему вечностью. Каждый патруль персидской стражи заставлял его вжиматься в дверные ниши. Нищие, спящие прямо на мостовой, протягивали к нему руки, принимая за подгулявшего патриция, и Филиск отмахивался от них колотушкой, как от мух.

Дом Крисиппа был самым уродливым на улице - двухэтажная каменная коробка без единого окна на первом этаже, похожая на дот. Но ставни на втором этаже были плотно закрыты, а на крыше блестели серебряные водостоки.

Филиск долго стучал в окованную медью калитку. Наконец в зарешеченном оконце над ней показалось лицо раба - широкое, плоское, с вырванными ноздрями. - Хозяин спит, - буркнул раб. - Дело жизни и смерти, - просипел Филиск. - Скажи, что пришел тюремщик. Скажи, что речь о Герострате.

Слово «Герострат» подействовало сильнее, чем пароль. Калитка со скрежетом отворилась. Крисипп ждал его в атриуме. Дом ростовщика был единственным в Эфесе, где ночью горел огонь - не для тепла, для работы. Сам хозяин сидел в глубоком кресле, обложенный сырыми тряпками. Подагра выкручивала ему ноги, и ступни, торчащие из-под шерстяного одеяла, напоминали две почерневшие головешки.

- От тебя воняет тюрьмой, Филиск, - проскрипел Крисипп, не поворачивая головы. Его глаза, мутные и желтые, как старый воск, смотрели в развернутый на коленях папирусный свиток. - Говори быстро. Мои счета не любят ждать. - Он у меня, - выдохнул Филиск. - В камере. Но он не хочет умирать на площади. Он хочет платить.

Крисипп медленно поднял голову. В его взгляде не было удивления. Только тяжелая, вековая усталость человека, который видел слишком много человеческой мерзости. - У него нет денег, - отрезал ростовщик. - Его лавка пуста. Его хитин воняет долгами. Что он может дать? Обгоревшую щепку от храма? Я не беру в заклад богов, Филиск, они неликвидны. - Он сказал, что отдаст долг, - тюремщик переминался с ноги на ногу. - Сто пятьдесят драхм. Сказал, что золото у тебя.

Крисипп издал звук, похожий на скрип несмазанной телеги. Это был смех. - Золото у меня. Но он не получит его за красивые глаза. Он сжег мой покой. Из-за него персидская стража перетряхнула весь порт, и мои люди три дня не могли вывезти шелк. Мое золото пахнет его дымом, и я хочу, чтобы он задохнулся. - Тогда он умрет завтра, - пожал плечами Филиск. - И твои сто пятьдесят драхм сгорят вместе с ним. Архонт конфискует его имущество в пользу казны. Тебе достанутся только его долги перед другими.

Ростовщик задумался. Его желтые глаза медленно моргнули. Жадность в нем боролась с ненавистью. Жадность победила - она всегда побеждала. - Где он? - наконец спросил Крисипп. - В тюрьме. Ждет. Но он сказал, что не даст монеты мне в руки. Он сказал, что ты должен прийти сам. Лично. Он хочет торговаться.

Крисипп зашипел от злости. Идти в городскую тюрьму, в этот смрад? Показывать свою немощ стражникам? - Чего он хочет взамен? - прокрипел он. - Я не знаю, - честно ответил Филиск. - Он сказал, что у него есть товар, который тебе понравится. Товар, который стоит дороже ста пятидесяти драхм.

Старик долго молчал, массируя больное колено. Затем тяжело, со стоном, поднялся. - Позови моих носильщиков, - приказал он рабу. - И носи мои лучшие сандалии. Если я иду в выгребную яму, я должен выглядеть как человек, который может себе это позволить.

Когда носилки Крисиппа, покачиваясь, двинулись по спящему городу, Филиск вернулся в тюрьму. Он сел на свой табурет, вытер пот со лба и посмотрел на дверь камеры.

Герострат ждал. Он сидел на каменном полу, прислонившись спиной к стене. В слабом свете луны, падающем из узкого оконца под потолком, его избитое лицо казалось высеченным из темного дерева. Он не спал. Он слушал дыхание города.

Филиск молча отпер замок. - Он идет, - буркнул тюремщик. - Но старый паук зол. Он хочет твоей крови больше, чем золота. - Старые пауки всегда злы, когда чувствуют, что мимо них пролетает жирная муха, - Герострат медленно поднялся. Каждое движение отзывалось болью в ребрах. - Отойди от двери, Филиск. И заberi свою колотушку. Она шумит.

Тюремщик посторонился. Герострат шагнул в коридор. Он шел медленно, бережно придерживая левый бок. Он дошел до конца прохода, где за поворотом находилась глухая комната для допросов - каменный мешок без окон.

- Ждем, - сказал он, оборачиваясь к Филиску. - И молись своим богам, чтобы Крисипп не привел с собой персов. Мне сегодня еще предстоит самый важный торг в моей жизни. И я не намерен продешевить.

Он сел на холодный пол, закрыл глаза и провалился в тяжелый, лихорадочный сон человека, у которого за душой нет ничего, кроме гениальной наглости и догорающего за спиной храма. А в порту, вторя его внутреннему пламени, истошно и тоскливо закричала ночная чайка.

Глава 3. Анатомия тщеславия

Дом Крисиппа никогда не спал. В то время как остальной Эфес задыхался в липком ночном мареве, в каморке под лестницей у ростовщика горел сальный светильник. Его тусклый, чадающий свет выхватывал из темноты горы папирусных свитков, медные весы, на которых взвешивали не только серебро, но и чужие слезы, и самого хозяина.

Крисипп не ложился. Подагра, терзавшая его ноги, отступала лишь к рассвету, и эти ночные часы он считал самыми прибыльными. Он сидел, обложенный вонючими припарками из бычьей желчи, и слушал город. Дом Крисиппа был нервным центром Эфеса: сюда стекались слухи, стоны должников и шепот предателей.

Скрипнула дверь. Вошел Филиск, тюремщик. Он выглядел еще более жалким, чем на улице: тюремная пыль смешалась с его потом, превратив хитон в серую корку. - Он там, - буркнул Филиск, кивая в сторону двери в глубине дома. - Один. Я обыскал его, оружия нет. Но он улыбается, старый шакал. Это пугает меня больше, чем нож. - Ты свое дело сделал, - проскрипел Крисипп. - Теперь иди в атриум. Выпей вина, которое осталось от вчерашнего должника. И если кто-то спросит, скажи, что ты никогда не переступал моего порога.

Филиск благодарно кивнул и исчез. Крисипп тяжело оперся на костыль, выточенный из черного дерева, и похромал к двери.

Герострат сидел не на стуле. Зачем торговцу стул, если пол - самая честная опора? Он сидел прямо на мозаике, изображающей сцену из жизни Диониса, небрежно попирая босыми ногами лицо какого-то сатира. При виде ростовщика он не встал. Лишь медленно, с наслаждением потянулся, отчего его избитое тело издало серию влажных, хрустящих звуков.

- Виночерпий у тебя скверный, Крисипп, - сказал Герострат, облизывая пересохшие губы. - В тюрьме подают разбавленную уксусом воду, но она хотя бы холодная. Твое вино пахнет страхом тех, кто его тебе задолжал. - Твое остроумие, торговец, всегда стоило дешевле гнилого лука, - ростовщик опустил в кресло с таким стоном, словно его суставы перемалывали в ступе. - Я пришел за деньгами. Сто пятьдесят драхм. Плюс проценты за три года. Плюс компенсация за то, что из-за твоего дыма персидская стража задержала мою партию шелка. Итого - двести. Золотом. Сейчас.

Герострат тихо рассмеялся. Смех был сухим, как треск пересыхающего русла реки. - У меня нет золота, Крисипп. Храм Артемиды не платит страховку поджигателям. Но у меня есть то, что стоит дороже золота. У меня есть история.

Он протянул руку к полу. Там, в тени его бедра, лежал туго перетянутый кожаным шнуром свиток. Он был не похож на те аккуратные, дорогие папирусы, что пылились на полках Крисиппа. Этот был серым, грубым, кустарного производства. Края его уже начали заворачиваться.

- Что это? Прощальное письмо твоей матери? - скривился ростовщик. - Это «Мемуары человека, поджегшего самый великий храм в мире», - спокойно ответил Герострат. - Предисловие, три главы о моем нищем детстве, философский трактат о природе славы и сборник любовной лирики. Я писал его по ночам, когда ты спал, а лавка моя пустовала.

Крисипп прищурил свои желтые глаза. Он был старым псом, чувявшим падаль за версту, но здесь запах был иным. Это был запах крови и новизны. - Ты хочешь, чтобы я купил твои стихи? - в голосе ростовщика прозвучало искреннее изумление, граничащее с отвращением. - Я выбиваю долги из мясников и моряков, Герострат. Я не содержу бродячих поэтов. - Ты не понял, - Герострат наклонился вперед. В полумраке его глаза казались черными провалами. - Я не прошу тебя купить это, чтобы читать у камина. Я прошу тебя это *продать*.

Он говорил тихо, но каждое слово било точно в цель, как камень из пращи. - Завтра меня казнят, Крисипп. Или послезавтра. Или через месяц - неважно. Но через тысячу лет люди

будут помнить мое имя. А люди любят реликвии. Они будут платить за кусок обгоревшего мрамора. Они будут драться за гвоздь из храма. А теперь представь, сколько они заплатят за свиток, написанный моей рукой? Свиток, где я сам объясняю, *зачем* это сделал. Это не просто бумага. Это ключ к бессмертию. Первый тираж.

Крисипп молчал. Его желтые глаза перебежали с избитого лица торговца на серый свиток. Математический ум ростовщика уже считал. Риск был огромен. Если Клеон узнает, что ростовщик торгует исповедью государственного преступника, его самого бросят в эту камеру, а дом снесут. Но с другой стороны... Крисипп знал людей. Он знал, что завтра на площади соберется весь Эфес. И каждый захочет унести с собой частичку этого ужаса. - Сколько? - прохрипел он. - Мой долг - сто пятьдесят, - начал Герострат. - Твой долг - двести, - отрезал Крисипп. - Хорошо. Двести. Но за эти двести драхм ты покупаешь не только этот свиток. Ты покупаешь право на копирование. У тебя есть рабы, умеющие держать стиль. Ты размножишь это. Пятьдесят копий. Сто. Сколько сможешь продать до того, как архонт издаст указ об изъятии. Продавай по пять драхм за штуку. По десять. Город обезумел, Крисипп. Они купят даже запах моего пота, если ты перельешь его в флакон.

Ростовщик молчал так долго, что пламя в светильнике успело съесть сантиметр фитиля. Он смотрел на Герострата и видел не безумца. Он видел идеального, чистейшей воды мерзавца. Человека, который превратил собственное падение в самый доходный актив в истории Эфеса. - Где гарантии, что это не подделка? - наконец спросил он. - Прочитай первую строчку, - ухмыльнулся Герострат.

Крисипп, кряхтя, наклонился, подобрал свиток и развязал шнур. Он развернул папирус. Сандаловые чернила кое-где расплылись от влаги, но почерк был резким, летящим, с сильным наклоном вправо. Ростовщик пробежал глазами по строчкам. *«Я, Герострат, сын Тимократа, родился в год, когда виноградники побило градом, а отец проиграл в кости нашу единственную козу...»*

Крисипп отпустил свиток. Тот свернулся с сухим шелестом. - Твоя лирика отвратительна, - бросил ростовщик. - Рифмы нет, ритм хромает, как я после дождя. - Зато правда, - парировал Герострат. - А правда продается лучше ямба.

Они начали торговаться. Это был не спор, а священнодействие. Герострат, сидящий на полу, и Крисипп, вцепившийся в подлокотники кресла, перебрасывались цифрами, как ножами. - Двести! - Пятьсот! Это стоит пятьсот! Ты продашь тысячу копий! - Ты сошел с ума, торговец воздухом! - Я поджег дерево, крытое золотом, Крисипп! Я стою дороже!

В итоге они сошлись на четырехстах драхмах. Сумма, на которую семья Филиска могла безбедно жить пять лет. - Деньги у меня в тайнике, в порту, - просипел Крисипп, растирая колено. - Я не ношу такие суммы в дом. Риск. - Мне не нужны деньги, - Герострат поднялся. Теперь, когда сделка была почти закрыта, он казался выше ростом. - Мне нужны гуляки. - Что? - Передай Филиску. Пусть отнесет эти четыреста драхм в харчевню Дионисия. Пусть скажет, что это угощение от Герострата. Пусть купит всем пьяницам Эфеса неразбавленного вина. Самого лучшего. Пусть поят их, пока они не начнут блевать золотом.

Крисипп замер с открытым ртом. - Ты сошел с ума! Ты отдаешь деньги, которых у тебя нет, чтобы спойть портовую чернь? - Я покупаю армию, - спокойно ответил Герострат. - Завтра на площади архонт будет читать им мораль о законе. А они будут смотреть на него мутными глазами и вспоминать, как Герострат купил им лучшую ночь в их жизни. Нищий, который кормит толпу, становится царем в их сердцах, Крисипп. Запомни это. Это выгоднее, чем давать в долг под проценты.

Ростовщик смотрел на него с ужасом и невольным профессиональным восхищением. Перед ним стоял не торговец папирусом. Перед ним стоял новый, неизвестный доселе вид хищника. - Ты чудовище, - выдохнул Крисипп. - Я - единственный честный человек в этом городе, - ответил Герострат. - Я не скрываю, что хочу славы. А вы скрываете, что хотите моих

денег, моей крови или моей смерти ради собственного спокойствия. Разница лишь в том, что я смотрю на солнце, не щурясь.

Он шагнул к двери, но остановился. - И еще, Крисипп. Если ты решишь обмануть меня и пустить ищеек Клеона по следу моих свитков... - Герострат обернулся. В его глазах не было угрозы, только бесконечная, холодная скука. - Я сжег храм из дерева и меди. Дом из камня и извести сгорит еще быстрее. А у тебя, я знаю, перекрытия из кипариса. Он горит так красиво, что это зрелище соберет еще больше зрителей.

Не дожидаясь ответа, Герострат толкнул дверь и вышел в душную ночь.

Крисипп остался один. Он долго смотрел на закрывшуюся дверь, затем перевел взгляд на серый свиток, лежащий на мозаике с лицом сатира. Старик протянул дрожащую руку, взял папирус и поднес его к свету. Впервые за сорок лет ростовщической практики Крисипп почувствовал, что продешевил.

Он тяжело вздохнул, позвал раба с вырванными ноздрями и при

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.